

Н. Б. Тер-Акопян

**О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ**

Проблема экономической структуры первобытного общества, изучение процесса ее становления и характеристика последовательных стадий ее развития — одна из наиболее сложных задач, стоящих перед наукой. Трудность заключается не только в том, что наука (прежде всего, этнография и археология) располагает лишь косвенными данными о предмете исследования, но и в необходимости конкретизации метода исследования применительно к первобытному обществу. Именно такого рода попытка и была предпринята в статье Ю. И. Семенова «О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества» («Сов. этнография», 1976, № 4, стр. 71—84). Следует заметить, что эта попытка подготовлена всеми предшествующими исследованиями автора, в которых именно труду и производству, в широком смысле этого слова, уделяется внимание как главным факторам, определявшим становление человека в обществе. В концепции Ю. И. Семенова процесс антропо- и социогенеза рассматривается и как становление нового, и как преодоление прошлого — общество становилось таковым путем обуздания «зоологического индивидуализма». Среди инстинктов, которые необходимо было преодолеть и подчинить контролю коллектива, пищевой инстинкт был важнейшим фактором после полового инстинкта¹.

Но преодоление пищевого инстинкта означало вместе с тем и появление некоего порядка распределения пищи. В противоположность прежнему господству силы этот порядок должен был в равной мере учитывать потребности всех членов коллектива; в условиях ограниченного количества пищи, которым располагали обычно первобытные люди, этот порядок мог быть только уравнительным.

Вместе с установлением распределения в жизни первобытного общества возник один из существенных элементов экономической структуры, один из основных моментов производства. В какой мере на его возникновении отразилось существование кооперации при добычании пищи, например, при охоте, судить трудно. Такого рода кооперация могла прямо развиваться из стадной формы охоты у предлюдей. Заметим при этом, что на пути развития кооперации не было таких препятствий, как пищевой инстинкт, и ее развитие скорее всего не могло прямо вести к возникновению распределения.

Еще труднее раскрыть какое влияние на распределение могло оказать производство в узком смысле слова, в частности каменная индустрия. Поскольку она в целом способствовала формированию человека, разви-

¹ Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. М., 1966, с. 310—311.

тию мышления и языка, и, вероятно, также складыванию кооперации, такое влияние скорее всего имело место. Но изготовление орудий могло оказать лишь косвенное, точнее опосредованное влияние на характер распределения и никак не могло быть причиной его непосредственного возникновения. Более того, в данном случае скорее приходится говорить об обратном — ведь подавляющая масса дошедших до нас изделий каменной индустрии предназначалась именно для добывания, а чаще обработки пищи, которая была основным условием существования человека. Итак, ни охота (соответственно рыболовство или собирательство), ни изготовление орудий, которые (с известными оговорками, ибо основной продукт — пища не была в строгом смысле результатом производства) можно рассматривать как производство в узком смысле слова, не могли иметь определяющего влияния на характер распределения. Все эти моменты производства в широком смысле слова возникли самостоятельно и постепенно складывались в определенную систему.

При этом распределение на начальных этапах было специфически экономическим моментом в этой пока еще складывавшейся системе и оно, естественно, оказывало в свою очередь влияние на другие ее моменты².

Поэтому выбор именно распределения как исходного момента для анализа экономической структуры первобытного общества на ранних этапах его развития представляется вполне целесообразным. Экономическую структуру, или систему производственных отношений первобытного общества на «ранних ступенях первой фазы» («Сов. этнография», 1976, № 4, стр. 100) Ю. И. Семенов считает объективной, не зависящей от сознания и воли людей. Ее проявление, однако, носит, как впрочем и в других формациях, субъективный характер, т. е. выражается в деятельности людей. «Производственные отношения есть то прочное, повторяющееся, необходимое, что проявляется во всех волевых отношениях с экономической функцией, воплощается во всем их многообразии» (там же, стр. 103). Отличительной особенностью первобытных отношений с экономической функцией по сравнению с капитализмом является специфика его детерминации: она здесь не носила прямо экономического характера, здесь непосредственно определяющим фактором была мораль. В статье Ю. И. Семенова в этой связи специально рассматриваются категории, которые, по его мнению, наиболее эффективно можно применять при исследовании социально-экономических отношений в первобытном обществе. Наряду с понятием собственности, охватывающим как сами производственные отношения, так и их правовое выражение, автор вводит понятие имущественных отношений для обозначения волевых отношений, связанных с экономической деятельностью людей. Ю. И. Семенов определяет мораль как «волю первобытного социального организма» (стр. 106). Она определяется интересами всего общества в целом, носит нерасчлененный характер, обладая отчасти и свойствами права, и этикета. Закрепленная традицией мораль определяет не только действия членов первобытного коллектива в сфере имущественных отношений, но и все прочие их действия, не обладающие экономической функцией. Именно мораль, а не родственные отношения, побуждала первобытного человека делиться пищей с другими членами коллектива. Связи по родству лишь определяли тот круг лиц, в котором производилось уравнильное распределение пищи (стр. 112—113).

² Разумеется иначе обстоит дело в уже сложившихся обществах, на более высоких ступенях развития. Рассматривая во Введении к экономическим рукописям 1857—1859 гг. вопрос о соотношении различных моментов в процессе материального производства, Маркс имел в виду уже сложившееся производство, по преимуществу в его капиталистической форме; Маркс особенно подчеркивал при этом их диалектическое взаимодействие при определяющей роли производства.— См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 36.

В этой попытке теоретического осмысления экономических отношений в первобытном обществе, разумеется, не все пока ясно, и не со всеми положениями автора можно безоговорочно согласиться. Неясен, например, вопрос о том, в какой мере волевые отношения с экономической функцией были отграничены от других отношений. Из рассуждений автора вытекает, что такую грань провести нельзя, во всяком случае для рассматриваемой в статье ступени развития первобытного общества. «Экономическая функция имущественного отношения — пишет Ю. И. Семенов, — не просто сосуществовала с моральной функцией, а была неразрывно с ней связана» (стр. 109). Развивая свою мысль, автор пишет в другом месте, что «в первобытном обществе на определенных этапах его развития материальные производственные отношения воплощались в таких имущественных отношениях, которые одновременно были не только моральными, но также обязательно и родственными» (стр. 113).

Ввиду признания автором нерасчлененности моральной и экономической функций сомнение, высказанное им в другой связи относительно возможности создания теории первобытной экономики, отличной, например, от теории морали (стр. 96) оборачивается против него самого. Мне кажется, что создание специальной теории возможно даже в этом случае, только сама теория будет носить иной характер.

Может быть, правильнее было бы говорить не об экономической функции, а об экономической стороне деятельности первобытных людей, ибо сам термин «функция» свидетельствует о расчленении целого.

Не безразличными по отношению к экономической деятельности людей были их родовые и родственные связи. Они не просто определяли круг, в котором производилось распределение пищи или орудий, — эти отношения были объективной социальной структурой, порожденной в ходе преодоления не пищевого, а полового инстинкта, и не просто сосуществовавшей с экономической структурой общества, а как-то взаимодействовавшей с ней.

Но все эти замечания не касаются существа концепции Ю. И. Семенова, глубоко продуманной в основных своих звеньях и представляющей собой творческое применение материалистической диалектики.

О том, насколько сложна поставленная в статье Ю. И. Семенова проблема, свидетельствуют отклики, уже опубликованные на страницах «Советской этнографии». Д. В. Гурьев, например, полагает, что статья отражает «недостатки, присущие многим советским работам, посвященным изучению первобытной экономики» («Сов. этнография», 1977, № 1, стр. 72). Он, в частности, считает, неверным «расчленение первобытного производства на пищевое и не пищевое» (стр. 71), рассмотрение первобытной экономики под углом зрения распределения («абсолютизация Ю. И. Семенова отношений распределения», стр. 75), и видит «ключ к пониманию первобытного производства в применении при исследовании принципа расчленения его на I и II подразделения» (стр. 80).

Д. В. Гурьев приводит при этом высказывания К. Маркса и В. И. Ленина, в которых характеризуется соотношение различных моментов производства, не учитывая при этом исторического подхода основоположников марксизма-ленинизма к категориям политической экономики, их требования величайшей конкретности в применении этих абстрактных категорий к различным эпохам. Так, разбирая во введении к экономическим рукописям 1857—1859 гг. категорию труда, Маркс приходит к следующему выводу: «Этот пример... убедительно показывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах»³.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1, с. 42.

Д. В. Гурьев, отмечая эти требования Маркса (стр. 83), тем не менее предлагает такой подход к проблеме, который не может привести к ее решению. Так, вряд ли плодотворным оказалось бы поэтому исследование экономики первобытности, в особенности в первой фазе ее развития, с точки зрения I и II подразделений производства; для подобного подхода скорее всего нет объективных оснований. Между тем анализ экономических связей под углом зрения распределения безусловно позволяет исследовать всю природу первобытного производства, показать соотношение различных его моментов и раскрыть существо дела. Ну а то, что следует рассматривать в первую очередь именно распределение пищи, вряд ли вызовет у кого-либо сомнение, — на особое значение добычи пищи для первобытной эпохи обращали внимание и Морган и Маркс⁴.

В целом замечания Д. В. Гурьева основаны на общих положениях политической экономии без их достаточного соотнесения с конкретным материалом наук, изучающих первобытную эпоху. Теория первобытной экономики не может быть разработана без интенсивного обмена мнениями по частным и общим вопросам, связанным с этой проблемой. Надо надеяться, что статья Ю. И. Семенова и ее обсуждение на страницах журнала «Советская этнография» будут способствовать решению этой важной задачи.

ON SOCIAL-ECONOMIC RELATIONS IN PRIMITIVE SOCIETY

The author expresses his agreement with Yu. I. Semenov's approach to developing an economic theory of primitive society; he stresses the importance of distribution as the initial specifically economic feature that played a major part in shaping social-economic relations in primitive society. The author opposes an uncritical application to the analysis of primitive economy of methods that are only adequate for investigating more highly developed societies. Certain critical remarks about Yu. I. Semenov's concept are also made in the paper, e. g. about the way he represents the role of clan and kinship relations.

⁴ Там же, Соч., т. 45, с. 229.